

Подтверждением этого могут служить очевидно противоречащие друг другу написания: *манастыру*, но *зъ монастыремъ*, *печерскимъ*, но *впродъ*, *дворенина*, но *дворанинъ*, *речоному*, но *Трыстична*, *затворившы*, но *боярына*.

В «Протестации Яна Лисовского», написанной в Полоцке всего лишь 34 года спустя, заметно (во всяком случае на письме) последовательное обозначение мягкости [r']: *теперешнемъ*, *третемъ*, *дерева*, *опримвали*, *неприятельскій*, *перед* и т. п., что противоречит логике развития этого звука на северо-восточных землях ВКЛ и может быть объяснено только возросшим к этому времени на этой территории влиянием «московской» письменной традиции.

Интересно, что в приставках и предложениях написание *и* после *р* наблюдается практически последовательно во всех текстах, написанных в это время на этой территории: *прислухающего*, *при собѣ*, *причын*.

В «Выписке 1599 г.», как и в других оршанско-полоцких текстах этого времени, наблюдаем последовательное различие [z] взрывного, обозначаемого сочетанием *-кz-*, и [z] фрикативного, обозначаемого одиночным *-z-*: *кгородскихъ* (*и все другие однокоренные формы этого слова*), *кды*, *кдысмы*, *срокгости*, но *госпдарьского*, *Григорьевичомъ*, *галицького*, *до книгъ*, *Богданъ*, *корыгованъ*. В отличие от отмеченных выше, эта особенность последовательно прослеживается и в других анализируемых источниках – в «Актовой книге Витебского земского суда за 1601 год» и в «Протестации Яна Лисовского 1633 г.».

Распространено мнение, предложенное еще Ю. Крижаничем и Е. Ф. Карским, что развитие [z] взрывного в белорусской речи, где исконным являлся [z] фрикативный, проходило под влиянием польского языка [5, с. 469–471]. На наш взгляд, такое объяснение не столь очевидно, о чем можно судить хотя бы по приведенной словарной выборке, где слова с *-кz-* являются восточнославянскими, а в полонизме *корыгованъ* как раз обозначен [z] фрикативный.

А вот отражение на письме возможного наличия аффрикат *-дж-*, *-дз-* в устной речи жителей Орши на рубеже XVI–XVII веков, что действительно могло бы свидетельствовать о польском языковом влиянии, в «Выписке 1599 г.» наблюдается лишь в единичных для каждой аффрикаты случаях: *во владзу*, но *въждчаючы*.

В целом анализ отмеченных и многих других отраженных в текстах языковых особенностей показывает, что к концу XVI – нач. XVII вв. на территории вокруг Полоцка, Витебска, Орши, Могилева сложился язык с выраженными фонетическими особенностями и устойчивой грамматикой. Типичной иллюстрацией этого положения среди прочих может являться и «*Выпись съ книгъ справъ кгородскихъ замку господарьского староства Оршаньского*» от 14 октября 1599 года» или записи в «Актовой книге Витебского земского суда за 1601 год». И именно этот язык следует считать базовым в определении более широкого понятия «старобелорусский язык». Однако уже к тридцатым годам XVII века языковая структура памятников письменности заметно меняется как западнее Витебска (примером здесь может служить полоцкий текст «Протестации Яна Лисовского 1633 года»), так и восточнее, что можно наблюдать, например, в тексте «Оршанской грамоты 1629 года» [2, с. 35–40].

1. Акты, относящиеся къ истории южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссіею. Томъ второй. 1599–1637. – Санкт-Петербургъ, 1865. – 314 с.
2. Вардомацкий, Л. М. «Оршанская грамота 1629 года» как источник для лингвистических и лингвокультурологических исследований / Л. М. Вардомацкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 27. – 200 с.
3. Довгялло, Дм. Ив. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовъ книгъ губерній Витебской и Могилевской. Выпускъ тридцатый [Электронный ресурс] / Дм. Ив. Довгялло. – Витебск, 1903 г. – Режим доступа: <http://gu.calameo.com/read/002055968892936183cdd>. – Дата доступа: 10.12.2020.
4. Карскій, Е. Ф. Беларуссы. – Т. 1: Введение въ изучение языка и народной словесности / Е. Ф. Карскій. – Варшава, 1903. – 478 с.
5. Карскій, Е. Ф. Беларуссы. Томъ 2. Языкъ белорусскаго племени / Е. Ф. Карскій. – Варшава, 1908. – 610 с.
6. Янкоўскі, Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск, 1983. – 271 с.

Павлов А. П.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРУГА БЛИЖНИХ ПРИДВОРНЫХ ЦАРЯ МИХАИЛА РОМАНОВА

История правящей элиты Московского государства XVI–XVII вв. является одним из важнейших направлений историографии. При изучении данной темы историки традиционно опираются на данные официальных списков Государева двора (боярских списков и боярских книг) и росписей служебных назначений представителей элиты (разрядных книг), которые позволяют судить главным образом лишь о формальном чиновно-служебном положении бояр и придворных, которое определялось их происхождением и местнической традицией. Выявление круга лиц, обладавших реальной властью и влиянием при дворе нуждается в привлечении новых источников.

Ценнейшим источником, дающим сведения о наиболее активных участниках придворной жизни, о лицах, пользовавшихся расположением и доверием при дворе, являются материалы книг и столбцов дворцовых приказов, отложившихся в фонде Оружейного приказа (ф. 396) Российского государственного Архива древних актов (РГАДА). Эти материалы давно известны историкам. Они были изучены И. Е. Забелиным при создании им фундаментального труда о домашнем быте русских царей и царской семьи в XVI и XVII вв. [2; 3]. Однако И. Е. Забелина интересовала прежде всего бытовая сторона жизни царского двора. Содержащиеся же в столбцах и книгах ценные и уникальные сведения о лицах, составлявших ближайшее царское окружение (ближних, «комнатных» людях) остались за рамками его исследования. Материалы дворцовых ведомств из архива Оружейной палаты были опубликованы И. Е. Забелиным [1], однако эта публикация представляет собой лишь выборку наиболее интересных с точки зрения ее составителя документов (преимущественно документов, характеризующих взаимоотношение внутри царской семьи и содержащих описание предметов царского быта). Основной же комплекс документов дворцовых ведомств остается неопубликованным. Очевидно, неслучайно при изучении истории боярской и придворной элиты материалам дворцовых ведомств традиционно уделяется недостаточное внимание в историографии. Лишь в последнее время наблюдается возрастание интереса к этим материалам при изучении придворной жизни и политической борьбы в правящих верхах (следует назвать прежде всего исследование П. В. Седова о царском дворе конца XVII в. [10]).

Описание записных книг дворцовых приказов (Казенного приказа, Царской и Царицыной мастерских палат, Оружейной палаты, Серебряной и Золотой палаты) было осуществлено А. Е. Викторовым [4; 5]. Наиболее полную информацию об участниках придворной жизни содержат материалы хорошо сохранившегося комплекса расходных книг товарам и вещам Казенного приказа за 1613 /14–1645 гг., всего 53 книги [9]; из них опубликованы только материалы книги за 1613 /14 г. [8].

Расходные книги Казенного приказа наряду с другими материалами (книгами и столбцами) дворцовых ведомств являются источником первостепенной важности для изучения состава ближних «комнатных» людей и, прежде всего, состава царских комнатных стольников (спальниках), а также комнатных стольников цариц и царевичей. Официальные списки государева двора (боярские списки) начинают фиксировать состав комнатных стольников (спальников) как особую чиновную группу лишь со второй половины 60-х гг. XVII в. До этого комнатные стольники не выделялись из общего числа царских стольников («обышних» стольников). Лишь единичные сведения о комнатных людях мы получаем в разрядных книгах до второй половины 1660-х годов. Материалы же дворцовых ведомств (и, прежде всего, расходных книг Казенного приказа) дают регулярные, систематические сведения о составе и службах комнатных людей в Царском дворце. В отличие от остальных служилых людей, получавших жалование из Казны «по государеву указу» за определенные конкретные службы (воеводства, взятие языка, «полонное терпение» и т. д.), «комнатные», ближние люди получали жалование, как правило, по царскому «именному приказу» без указания на службы, т. е. как личный подарок от государя. Эти пожалования комнатным людям регулярно фиксировались в книгах (а также частично столбцах, сохранившихся не полностью) Казенного приказа. Именные пожалования производились как от имени царя Михаила, так и от имени его матери, государыни старицы Марфы Ивановны и царицы Евдокии Лукьяновны. Весьма щедрые подарки (деньгами и вещами) ближние комнатные люди получали также по случаю свадеб, новоселий и т. д.

Имевшие право вхождения в государевы покои спальники вносили «в верх» на царский обиход (и на обиход членов царской семьи) различные вещи и драгоценности. Через своих ближних людей – комнатных стольников – царь передавал подданным свои распоряжения. Находясь в тесном, непосредственном контакте с государем, комнатные стольники имели возможность влиять на ход придворной борьбы, «шептать» царю на своих недругов и ходатайствовать за своих родственников и приятелей. Сведения о службах комнатных стольников в царском Дворце мы получаем преимущественно лишь из материалов (столбцов и книг) дворцовых приказов.

Всего мы имеем сведения о 35 спальниках за время царствования Михаила Романова [7, с. 81]. Анализ состава комнатных стольников (спальников) показывает, что он пополнялся различными путями. В комнатных стольниках служили лица различного возраста, жизненного опыта и происхождения. Эта группа пополнялась представителями как знатных княжеско-боярских (князья Воротынские, Черкасские, Голицыны, Троекуровы, Сицкие, а также Морозовы, Шереметевы и др.), так и новых «дворянских» (Стрешневы, Хитрово, Толочановы, Милюковы, Собакины) фамилий. Главным принципом ее комплектования были родственные связи с романовской семьей и степень близости к придворным сферам, а не само по себе происхождение рода.

Документы дворцовых ведомств содержат уникальные сведения не только о царских комнатных стольниках (спальниках), но и комнатных стольниках матери царя Михаила старицы Марфы Ивановны, царицы Евдокии Лукьяновны и царевича Алексея Михайловича. Анализ дворцовой

документации приводит к выводу о том, что в состав стольников царицы Евдокии Лукьяновны и царевича Алексея Михайловича зачислялись отнюдь не случайные люди, а представители фамилий, связанных с царской семьей и различными придворными кругами.

Материалы дворцовых приказов содержат ценные, уникальные сведения о женской половине Дворца (царицыных боярынях, воспитательницах («мамах») царевичей и царевен и т. д.). Влиятельные при царицыном дворе боярыни нередко способствовали карьере при дворе своих сыновей. Так, во многом благодаря протекции своей матери Екатерины Ивановны Бутурлиной, жены Василия Матвеевича Бутурлина, бывшей верховой боярыней царицы Евдокии Лукьяновны, в комнатные стольники был зачислен Василий Васильевич Бутурлин, ставший впоследствии боярином и известным дипломатом.

Материалы расходных книг Казенного приказа позволяют проследить частоту упоминания придворных во Дворце (круг лиц, наиболее часто получавших именные пожалования от царя Михаила, его матери и царицы Евдокии, приказывавших государевым или «государыниным» словом пожалования во Дворце, вносивших «в верх» в государевы покои и «сносивших с верху» различные вещи и подарки). Эти данные дают возможность более полно представить расстановку сил в придворной среде на разных этапах царствования Михаила Федоровича. Так, среди придворных по частоте упоминаний в царском дворце в 1634–1645 гг. первенство принадлежало боярину Борису Ивановичу Морозову, воспитателю наследника престола царевича Алексея Михайловича. Данное обстоятельство свидетельствует об усилении позиций Морозова при дворе уже конце царствования Михаила Федоровича, что способствовало в дальнейшем его приходу к власти [6, с. 648–650].

Книги дворцовых приказов дают возможность определить, кто из бояр реально обладал властью и влиянием при дворе. Большой интерес представляют содержащиеся в расходных книгах Казенного двора сведения о боярах и придворных, удостоенных особой чести «лехчить (стричь) волоски» у царя на Пасху и Рождество. Эти сведения позволяют выявить круг наиболее доверенных при дворе лиц. Подобного рода почетную обязанность выполняли первые лица в правительстве – в начале царствования Михаила Федоровича честь «снимать (постригать) волоски» у государя во время великих праздников Рождества и Пасхи принадлежала влиятельнейшему в то время при дворе боярину Б. М. Салтыкову, близкому родственнику и фавориту матери царя старицы Марфы Ивановны; в дальнейшем, с 1621 г., почетную обязанность постригать «волоски» у царя на Рождество и на Пасху (а также перед царскими свадьбами) ежегодно и практически беспрерывно, вплоть до своей кончины в 1642 г. исполнял ближний боярин, царский родственник и фактический глава правительства князь И. Б. Черкасский; дважды за период с 1621 по 1641 гг. чести стричь «волоски» у царя удостоивались другие лица: на Рождество 1627 г. – влиятельный при дворе глава приказа Большого двора князь А. М. Львов, а на Рождество 1639 г. – комнатный стольник князь Б. А. Репнин, стремительно возвысившийся при дворе в конце 30-х – начале 40-х гг. [6, с. 266–267]

В целом использование материалов дворцовых приказов из фонда Оружейного приказа позволяет составить достаточно полное представление об участниках жизни в царском Дворце и существенно расширить наши представления о составе придворных группировок и придворной борьбе в годы царствования первого Романова.

1. Дополнение к Дворцовым разрядам. – Ч. 1. – Москва : Университетская типография, 1882. – 476 с.
2. Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. / И. Е. Забелин. – Т. I : Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – Ч. 1 – 480 с ; Ч. 2. – 520 с.
3. Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. / И. Е. Забелин. – Т. II : Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 792 с.
4. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 гг. Вып. 1 / сост. А. Е. Виктор. – Москва : Типография С. П. Архипова, 1877. – 387 с.
5. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725 гг. Вып. 2 / сост. А. Е. Виктор. – Москва : Типография М. П. Щепкина, 1883. – 290 с.
6. Павлов, А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование : в 2 т. / А. П. Павлов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2018 – Т. 1. – 784 с.
7. Павлов, А. П. Комнатные стольники царя Михаила Романова / А. П. Павлов // Времена и судьбы : сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2006. – С. 73–96.
8. Приходо-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека. – Санкт-Петербург : Типография Министерства Внутренних дел, 1884. – Т. IX. – С. 149–381.
9. Российский государственный Архив Древних актов. – Ф. 396. Оп. 2. Кн. № 199–229 и 277–300.
10. Седов, П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века / П. В. Седов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 604 с.